

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ПРАВИЛ
НЕТ

ДОБЕРИ
СВЯЗ

РИСКИ
ВСЕМ

ОН —
ПРЕСТУПНИК?

ОН —
ЕДИНСТВЕННЫЙ,
КОМУ Я
ДОВЕРЯЮ

Двойная ИГРА

НА ПОРАЖЕНИЕ

Александра Ветрова

Двойная игра на поражение

<https://litres.ru/74376834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — гениальный мошенник, призрак мира искусства, чьи подделки обманывают лучших экспертов. Она — следователь Интерпола, охотящаяся за ним семь лет. Их противостояние — это шахматная партия, где каждый ход просчитан, а ставка — свобода и жизнь.

Содержание

Глава 1. Королевский гамбит	4
Глава 2. Ночная сделка	13
Глава 3. Холст и сталь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александра Ветрова

Двойная игра на поражение

Глава 1. Королевский гамбит

Вены на старом дубовом столе вздулись, как реки на потрескавшейся карте. По ним, от края до края, ползла золотая жила — капля коньяка, оставленная небрежным жестом предыдущего посетителя. Женя смотрела на эту каплю, не видя её. Она видела другое: лицо мужчины, который только что вышел из кабинета, неловко улыбаясь, пряча глаза под тяжестью век. Он был слишком лёгкой добычей, этот арtdилер из Цюриха. Слишком податливым. Слишком испуганным.

— Вы уверены, мадемуазель Блэк? — голос её начальника, сухого и прямого, как линейка, прозвучал над ухом. — Этот человек — лишь маленькая пешка.

Женя откинулась на спинку стула. Кожаный подголовник противно скрипнул, словно жалуясь на тяжесть её мыслей. Она провела пальцем по краю бокала, оставляя прозрачный след, и снова посмотрела на дверь, за которой скрылся Цюрихский пешка. Да, пешка. Но пешка, которая вела к ферзю. К тому, чей портрет висел в её воображении так же ярко, как и в базе данных Интерпола.

— Он знает, где Марк будет через месяц, — сказала она тихо, почти не разжимая губ. — Он продаст эту информацию нам, потому что думает, что мы его купим. Он не знает, что мы возьмём её силой.

— Сила — это грубый инструмент, — начальник, комиссар Дюваль, поправил очки в тонкой золотой оправе. Он всегда так делал, когда хотел казаться умнее, чем был. Но Жения знала его насквозь. За этой внешней интеллигентностью скрывался человек, который боялся собственной тени. И боялся её, Жени.

Она была лучшей. Лучшим следователем по делам о культурных ценностях. Её называли «Кошкой» за то, как бесшумно она подкрадывалась к своим жертвам, и «Львицей» за то, как беспощадно рвала их на части, когда они попадались в расставленные сети. За её плечами были десятки раскрытых краж, возвращённых полотен, посаженных за решётку фальсификаторов. Но была одна нить, которую она не могла распутать. Один призрак, который ускользал от неё семь лет.

Марк.

Она не знала его настоящего имени. Не знала, как он выглядит вживую, хотя видела сотни его фотографий, сделанных камерами наблюдения на трёх континентах. На них он всегда был неуловим: то пол-лица скрыто тенью капюшона, то он отвернулся от объектива в последнюю секунду, то на нём была такая искусная маскировка, что даже её обученный

глаз мог принять его за обычного туриста. Но она знала его почерк. Она знала, как он смешивает краски. Как он имитирует старение холста. Как он подделывает подписи великих мастеров так, что эксперты Сотбис плакали от восторга и отчаяния. Он был гением. И он был её личным врагом.

— У меня есть идея, — сказала Женя, перебивая Дюваля, который продолжал бубнить что-то о дипломатических протоколах и международном сотрудничестве. — Я хочу выйти на него напрямую.

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что даже мухи, которых не было, замерли в воздухе. Дюваль снял очки и принялся их протирать платком, хотя они были идеально чистыми. Этот жест был его единственным признаком нервозности.

— Вы сошли с ума, — выдохнул он. — Марк — не просто мошенник. Он призрак. Он работает один. Он не оставляет свидетелей. И самое главное — он не доверяет никому. Если вы попытаетесь выйти на него, он или исчезнет навсегда, или...

— Или что? — Женя приподняла бровь, и в этом жесте было столько вызова, что Дюваль невольно отшатнулся.

— Или он вас убьёт, — закончил он шёпотом.

Она усмехнулась. Коротко, резко, как щелчок взведённого курка. Смерть была частью её работы. Но она не была глупой. Она знала, что Марк не убийца. По крайней мере, не в прямом смысле. Он был художником, а художники не мара-

ют руки кровью. Они пачкают их краской. И это она могла ему простить. Почти.

— Я не собираюсь идти к нему с оружием, — сказала она, наклоняясь вперёд. — Я собираюсь прийти к нему с предложением. С предложением, от которого он не сможет отказаться.

Она знала его слабое место. Тщеславие. Он был лучшим, и он это знал. Но быть лучшим — значит, быть одиноким. А одиночество, как показала ей собственная жизнь, — это рана, которая не заживает. Она затягивается коркой, но под ней всё равно гноится. Женя планировала использовать это.

Она рассказала Дювалю свой план. Вернее, его верхушку. Всё, что касалось операции «Гамбит», было тщательно продумано до мелочей. Она должна была стать дилером. Не просто дилером, а покупателем. Она должна была предложить Марку сделку, которая была бы настолько авантюрной, настолько рискованной и безумной, что он бы не смог пройти мимо. Она собиралась украсть для него «Спящую Венеру» Джорджоне из частной коллекции в Венеции. Картина не была самой ценной в мире, но она была мечтой любого фальшивомонетчика. Идеальный оригинал, чтобы сделать идеальную копию, подменить и исчезнуть в ночи. А она, Женя, должна была стать его сообщницей.

Дюваль слушал её с открытым ртом. Когда она закончила, он положил очки на стол и долго молчал. Потом сказал:

— Это не операция. Это самоубийство. Вы собираетесь

влезть в логово льва и предложить ему играть по вашим правилам.

— В том-то и дело, — улыбнулась она, и в этой улыбке было что-то от хищницы, которая чувствует запах крови. — Я не буду предлагать играть по моим правилам. Я предложу ему играть по-нашему. Вместе.

Она встала, одёрнула строгий пиджак и направилась к выходу. На пороге она обернулась.

— Через три дня я уезжаю в Венецию. Если всё пойдёт по плану, я встречу с ним через неделю. Отзовите людей с наблюдения. Если он узнает, что за ним следят, он не придёт. Он должен верить, что я — такая же тень, как и он.

Она вышла из кабинета, оставив Дюваля в полном замешательстве. Её каблуки звонко цокали по мраморному полу штаб-квартиры, отбивая ритм её собственного сердца. Оно билось ровно, но внутри, где-то глубоко в груди, разгорался тот самый опасный огонь. Азарт. Жажда. И, что самое странное, любопытство.

Что он за человек? Этот Марк, который проворачивал свои аферы с изяществом танцора, который рисовал подделки, от которых у искусствоведов перехватывало дыхание. Каково это — встретиться с ним лицом к лицу? Посмотреть в его глаза? Протянуть руку и коснуться его руки, зная, что эта рука держала кисть, создававшую иллюзию, которая дурочила весь мир?

Она поймала себя на этой мысли и тут же отогнала её.

Эмоции — это роскошь, которую она не могла себе позволить. На кону была её карьера, её свобода, её жизнь. Но даже отгоняя, она чувствовала, как этот огонь тлеет внутри, готовый вспыхнуть в любую секунду.

Венеция встретила её туманом. Он стелился по каналам, окутывая старые палаццо, делая их похожими на замки из сна. Женя сняла номер в отеле «Даниэли», который выходил окнами на лагуну. Она стояла у окна, смотрела на медленно плывущие гондолы и прокручивала в голове свой план.

Она знала, что он здесь. Её информаторы, оплаченные и надёжные, сообщили, что Марк видели в городе в прошлую пятницу. Он работал над чем-то для местного коллекционера — русского олигарха, скупавшего всё, что плохо лежит. Это было идеальным прикрытием.

Она ждала. Два дня она провела, словно паук в центре сети. Она посещала выставки, галереи, светские рауты. Она улыбалась нужным людям, флиртowała с нужными мужчинами и слушала нужные сплетни. И на третий день, когда она уже начала сомневаться, произошло то, чего она ждала.

Она стояла у моста Риальто, любуясь закатом. Небо пылало багрянцем и золотом, отражаясь в тёмных водах канала. Рядом с ней остановился мужчина. Он был высок, худощав, с тёмными волосами, которые слегка вились на концах. На нём был простой тёмный костюм, без галстука, и он держал в руках небольшую папку. Он не смотрел на неё. Он смотрел на воду.

— Вы ищете то, что потеряли, мадемуазель? — спросил он, и голос его был низким, чуть хрипловатым, как будто он долго молчал.

Женя почувствовала, как мурашки побежали по спине. Она узнала этот голос. Она слышала его в записях, сделанных жучками в отелях и ресторанах. Это был он.

— Я ищу того, кого потерять невозможно, — ответила она, не оборачиваясь. Это был пароль. Фраза, которую она специально вставила в своё объявление в одной из закрытых арт-газет, которую читали только посвящённые.

Мужчина тихо рассмеялся. Этот смех был как прикосновение тёплого ветра — ласковый, но настойчивый.

— Вы играете в опасные игры, мадемуазель Блэк, — сказал он, наконец поворачиваясь к ней. — Или, быть может, мне следует называть вас... следовательно Интерпола Женя Войтех?

Она медленно повернулась к нему. Впервые за семь лет она смотрела на него вживую. Его глаза были серыми, как дождь над Невой. В них читалась глубина, которая пугала и притягивала одновременно. Он улыбался, но в уголках его глаз пряталась сталь.

— А вы, значит, Марк, — сказала она, выдерживая его взгляд. — Призрак, который не оставляет следов.

— Я оставляю только шедевры, — парировал он, пожав плечами. — Вы, кажется, хотели мне что-то предложить?

Она сглотнула. В горле пересохло, но она не позволила

себе показать слабость. Она извлекла из кармана сложенный лист бумаги и протянула ему. Это был план «Венеры».

— Я хочу, чтобы вы украли её для меня, — сказала она прямо. — А я помогу вам. Вы сделаете копию, подмените оригинал, и мы разделим прибыль.

Марк взял лист, пробежал по нему глазами. Он не удивился. Он даже не вздохнул.

— И какую прибыль вы хотите? — спросил он, поднимая на неё глаза.

— Половину, — ответила она. — Или я вас арестую прямо здесь.

Он снова рассмеялся. Но в этот раз в его смехе не было легкости. Было что-то другое. Что-то опасное.

— Вы не сделаете этого, — сказал он, делая шаг к ней. — Потому что если вы меня арестуете, вы никогда не узнаете правду. А правда, мадемуазель Блэк, заключается в том, что вы играете не против меня. Вы играете против тех, кто стоит за мной. И они гораздо опаснее меня.

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Что он имел в виду? Она думала, что знает всё о нём. Но он только что перевернул её мир с ног на голову.

— Что вы несёте? — прошептала она.

— Это вы мне скажете, — ответил он, наклоняясь так близко, что она чувствовала запах его одеколона — горьковатый, с нотками табака. — Но не здесь. Не сейчас. Приходите завтра в полночь в Палаццо Контарини-дель-Боволо.

Приходите одна. И тогда я скажу вам всё.

Он развернулся и ушёл в толпу, растворился в ней, словно его и не было. А Женя осталась стоять на мосту, чувствуя, как бешено колотится её сердце. Она только что встретила своего врага. И поняла, что он для неё не враг.

Она проиграла этот первый раунд. Но она знала, что игра только начинается. И у неё были все карты, чтобы выиграть. Если, конечно, она не влюбится в него по пути.

Глава 2. Ночная сделка

Венеция ночью была похожа на женщину, которая сняла маску. Днём она ослепляла туристов позолотой дворцов и синевой неба, а ночью показывала своё истинное лицо — тёмное, мокрое, пахнущее водорослями и тайнами. Женя шла по узкой улочке, которая вилась между стенами старых палаццо, как змея между камней. Вода в соседнем канале плескалась тихо, но ритмично, словно дыхание спящего гиганта. Её собственное сердце билось в том же ритме, хотя она всеми силами пыталась сохранить хладнокровие.

Она не взяла с собой оружия. Это было нарушением всех инструкций, но она знала: с этим человеком оружие бесполезно. Если он хотел бы её убить, она была бы уже мертва в каком-нибудь тёмном переулке, и её тело нашли бы только через неделю, когда запах привлёк бы гондольеров. Он же пригласил её открыто, почти дерзко, бросив вызов, от которого она не могла отказаться. Это было выше её профессионализма. Это было выше её гордости. Это было выше её здравого смысла.

Палаццо Контарини-дель-Боволо стоял на углу двух каналов, и его фасад был покрыт паутиной трещин, которые в свете единственного фонаря казались дорогами на старинной карте. Входная дверь была приоткрыта, и из неё сочился тёплый, жёлтый свет. Женя толкнула дверь плечом и вошла.

Внутри было тихо. Так тихо, что она слышала, как пыль оседает на старинных канделябрах. Лестница, винтовая и крутая, убегала вверх, и каждая её ступенька была истёрта ногами нескольких поколений. Она начала подниматься, и где-то на третьем пролёте услышала его голос.

— Вы пришли, — сказал Марк, и она поняла, что он стоял наверху, опершись на перила, и ждал её. — Я боялся, что вы передумаете. Или что вы приведёте с собой целый отряд спецназа.

— Я пришла одна, — ответила она, поднимая голову. В полумраке она видела только его силуэт. Он был похож на фигуру на картине Караваджо — контраст света и тени, драма и загадка. — Но я всё ещё могу позвонить, и они будут здесь через десять минут.

— Вы не позвоните, — сказал он, и в его голосе была уверенность, которая начинала её раздражать. — Потому что если вы позвоните, вы не узнаете, кто вас подставил.

Она замерла на середине лестницы. Слово «подставила» ударило её, как пощёчина. Она думала, что это был блеф. Она думала, что он пытается запугать её или отвлечь. Но в его голосе не было лжи. Был холодный, стальной расчёт, который она привыкла чувствовать в голосах настоящих игроков. Он не играл. Он говорил правду. Или ту часть правды, которую хотел ей показать.

— Объясните, — сказала она, поднимаясь к нему и становясь с ним на одной ступени. Теперь она могла видеть его

лицо — оно было спокойным, почти отстранённым, но в глубине серых глаз горел огонь. Тот же огонь, который она чувствовала в себе. — Что значит «подставили»?

Марк развернулся и пошёл по коридору, жестом приглашая её следовать за ним. Она пошла, чувствуя себя принцессой, которая следует за драконом в его логово. Они прошли мимо нескольких дверей, украшенных гербами, и остановились перед самой последней. Он открыл её, и Женя увидела комнату, которая, казалось, существовала вне времени.

Это была мастерская. Высокие потолки, голые стены, множество мольбертов, на которых стояли полотна — незавершённые, но уже дышащие жизнью. В углу лежали тубы с красками, кисти разных размеров, баночки с растворителями. И главное — в центре стоял стол, накрытый белой тканью, а на ткани лежали фотографии. Фотографии, на которых была она, Женя.

Она подошла ближе и увидела, что это были не обычные снимки. Это были её фотографии, сделанные в разное время: она выходит из штаб-квартиры Интерпола, она пьёт кофе в кафе на Елисейских полях, она разговаривает с информатором в Брюсселе, она стоит у того самого моста Риальто, но за два дня до их встречи. Её лицо было обведено красной линией, а под каждой фотографией стояла дата и место. Это было досье. Её досье.

— Откуда у вас это? — спросила она, и голос её дрогнул впервые за долгие годы. Она привыкла быть охотником, а не

дичью. Она привыкла знать всё о своих жертвах, а не быть объектом чужого наблюдения.

— Это прислали мне, — ответил Марк, подходя к ней и вставая так близко, что она чувствовала тепло его тела. — Три недели назад. Вместе с предложением, от которого я должен был отказаться. Мне предлагали три миллиона евро, чтобы я сделал компромат на вас и передал его людям, которые заплатят больше.

— Кто? — выдохнула она.

— Я не знаю. — Он покачал головой, и в его жесте не было фальши. — Они использовали посредника, который исчез сразу после того, как я согласился. Я согласился, но не для того, чтобы предать вас. Я согласился, чтобы узнать, кто за этим стоит. И вот что я выяснил.

Он подошёл к столу и взял одну из фотографий. На ней была Женя с Дювалем, они стояли у здания суда в Париже. За их спинами была видна фигура мужчины в плаще, лица которого не было видно.

— Этот человек, — сказал Марк, показывая на фигуру. — Я проследил его. Это не агент. Это частный детектив, нанятый очень богатым человеком. Я выяснил, кто этот человек. Это русский олигарх по фамилии Орлов. Он коллекционирует искусство. И он знает, что вы знаете о нём то, что не должны знать.

Женя почувствовала, как кровь отливает от лица. Орлов. Она слышала это имя. Он был в списке подозреваемых по

делу о контрабанде икон, которые исчезли из музеев России и Украины. У неё были улики, но не было прямых доказательств. Она планировала начать его разработку через полгода. Но он опередил её.

— Он хочет меня убрать? — спросила она тихо.

— Не совсем, — Марк наклонился к ней, и теперь их лица разделяли всего несколько сантиметров. Он смотрел в её глаза, и она тонула в этом сером омуте. — Он хочет вас дискредитировать. Он подставил вас, подбросив вам улики, которые уличают вас в соучастии в краже. Через три дня в газетах выйдет статья о том, что следователь Интерпола Женя Войтех тайно сотрудничает с контрабандистами. И пока вы будете защищаться, он вывезет свои коллекции за пределы Европы. Вы будете слишком заняты, чтобы его остановить.

Она моргнула. Её мозг, привыкший к просчёту любых ситуаций, начал лихорадочно работать. Она представила себе заголовки, пресс-конференцию Дюваля с его дрожащими руками, свою собственную фотографию, на которой она была бы изображена как преступница. Её карьера, её жизнь, её репутация — всё это будет разрушено одним ударом. И она ничего не сможет сделать, потому что у неё нет ни доказательств, ни союзников.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? — спросила она, и в голосе прозвучала горечь. — Вы могли бы просто принять их деньги и исчезнуть. Вы могли бы меня предать. Зачем вам помогать мне?

Марк отвернулся от неё и подошёл к окну. В нём было что-то от художника, стоящего перед пустым холстом, ищущего вдохновение в ночи за стеклом. Он молчал несколько секунд, и эта тишина была тяжелее любых слов.

— Потому что, — сказал он наконец, — я не люблю, когда кто-то пытается использовать меня как пешку. Я сам всегда был королём на этой доске. И я не хочу, чтобы какие-то русские бандиты решали, с кем мне работать и кому доверять. К тому же... — он повернулся к ней, и улыбка тронула его губы, — вы мне нравитесь, мадемуазель Войтех. Вы единственный человек, который охотился за мной семь лет и ни разу не подставил меня. Вы играли честно. Это редкость в нашем мире.

Она почувствовала, как внутри неё что-то сжалось и одновременно растеклось теплом. Он сказал это просто, буднично, но в этом признании была сила, которая могла свести с ума. Он хвалил её за её принципы. Он признавал её равной. И в этом не было ни капли лести.

— Я не могу просто согласиться, — сказала она, пытаясь взять себя в руки. — Это безумие. Если я работаю с вами, я нарушаю все законы, которые защищала всю жизнь. Я стану преступницей.

— Вы уже преступница в глазах Орлова и его людей, — жёстко ответил Марк. — Вы думаете, они будут ждать, пока вы докажете свою невиновность? Они сделают так, что ваше имя будет опозорено. Единственный способ выиграть — это

опередить их. Ударить первым. И для этого вам нужен я.

Она подошла к столу и провела пальцами по своим фотографиям. Её лицо, её жизнь, её прошлое лежали перед ней, как раскрытая книга. И она поняла, что он прав. Если она попытается действовать официально, она будет завалена бюрократией, расследованиями, проверками. Её отстранят от дела, и Орлов ускользнёт. Но если она примет его предложение, если она станет его напарницей в этой безумной афере, у неё появится шанс. Шанс выиграть, но какой ценой?

— Вы хотите, чтобы мы украли эту чёртову «Венеру», — сказала она, поднимая на него глаза. — Не для денег. А чтобы выманить Орлова на свет.

— Именно, — кивнул Марк, и в его взгляде сверкнула искра одобрения. — Джорджоне — это приманка. Он давно хочет заполучить эту картину. И если мы объявим о том, что «Спящая Венера» исчезнет и появится у нас, он придёт за ней. Он придёт лично. И тогда мы его возьмём. Ты и я.

Она не заметила, когда он перешёл на «ты». Но это слово прозвучало в ушах так естественно, как будто они знали друг друга всю жизнь. Она посмотрела на его руки — длинные, сильные пальцы, на которых сохранились следы краски. Художник. Вор. Гений. И сейчас он был единственным, кто мог её спасти.

— И что потом? — спросила она. — После того, как мы его возьмём? Ты исчезнешь, как всегда, а я останусь с клеймом преступницы?

— Нет, — он приблизился к ней, и его рука коснулась её подбородка, приподнимая её лицо так, чтобы она смотрела только на него. — Потом ты сдашь меня. Ты меня арестуешь, получишь все лавры и восстановишь свою репутацию. Ты станешь героиней, а я — твоей самой громкой победой. Это моя цена за то, чтобы ты мне помогла. Я проиграю эту партию тебе. И это будет моя последняя игра.

Она смотрела в его глаза, и мир вокруг неё исчез. Не было ни комнаты, ни картин, ни красоты Венеции за окном. Был только он и его обещание принести себя в жертву на алтарь её спасения. Это был шантаж. Это было искушение. И она знала, что проиграет, если согласится. Но она также знала, что проиграет, если откажется.

— Я согласна, — сказала она, и её голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Я стану твоей напарницей, Марк. Но если ты меня предашь, если это ещё одна ловушка, я убью тебя своими руками. И поверь, я умею это делать.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, сколько не было ни на одной из его подделок. Он взял её руку в свою и сжал.

— Договорились, — сказал он. — С завтрашнего дня мы начинаем работать. Но есть одно условие, Женя. Ты должна мне доверять. Полностью. Не сомневаться в каждом моём шаге. Иначе нас убьют в первый же день.

Она кивнула. Она не знала, сможет ли доверять ему. Она не знала, сможет ли остановиться в тот момент, когда его

пальцы будут касаться её кожи, или когда она увидит его спящим рядом. Но она знала одно: эту партию она должна сыграть до конца. Даже если это будет её поражение.

Они стояли друг напротив друга, и между ними лежала вся их жизнь — ложь, предательства, погони. И впервые Женья поняла, что её враг может стать её единственным союзником. Но она не знала, что самое страшное ещё впереди. Что между ними развернётся не только игра за картину, но и игра за души друг друга. И в этой игре не будет победителей.

Глава 3. Холст и сталь

Она не спала всю ночь. Стоя у окна в своём номере в «Даниэли», Женя смотрела, как туман над лагуной медленно рассеивается, уступая место серому, хмурому рассвету. Венеция просыпалась неохотно, словно не желая впускать в себя новый день, полный опасностей и обещаний. В руке она сжимала ключ от палаццо Контарини, который Марк сунул ей в ладонь перед уходом, прошептав: «Приходи завтра. Мы начнём». Простой жест, но он значил больше, чем любые слова. Она приняла ключ, и в тот момент почувствовала, что переступила черту, за которой нет возврата.

Теперь, глядя на отражение своих глаз в мутном стекле, она пыталась понять, что именно толкнуло её на этот шаг. Профессиональный интерес? Желание отомстить Орлову за то, что он посмел подставить её, использовать как пешку в своей грязной игре? Или что-то более глубокое, то, о чём она не решалась думать даже наедине с собой? Образ Марка, его серые глаза, его голос, который звучал в её голове непрерывно, словно навязчивая мелодия, — всё это сплеталось в клубок эмоций, которые она не умела распутывать.

Она была следователем, чёрт возьми. Она должна была быть ледяной, рациональной, расчётливой. Но рядом с ним она чувствовала себя девчонкой, которая впервые смотрит на мальчика, даже не подозревая, что это чувство может

стать её погибелью.

Женя приняла душ, надела простые джинсы и свитер — никаких строгих костюмов, никакой брони. Сегодня она была не агентом Интерпола. Сегодня она была сообщницей. И эта роль, пугающая и одновременно освобождающая, наполняла её странной энергией. Она спустилась вниз и быстрым шагом направилась по набережной к палаццо, оставляя за спиной шум просыпающегося города.

Когда она вошла в мастерскую, Марк уже был там. Он сидел на высоком табурете перед мольбертом, и его руки двигались с удивительной лёгкостью, нанося на холст тонкие, почти невесомые мазки. Свет, падающий из высокого окна, выхватывал из полумрака его фигуру, делая её похожей на образ с полотна старого мастера. Он не обернулся, когда она вошла, но его плечи чуть расслабились, словно он ждал её и боялся, что она не придёт.

— Ты ранняя пташка, — сказал он, не отрываясь от работы. — Я думал, ты проспишь до полудня, переваривая вчерашний разговор.

— Я почти не спала, — призналась она, подходя ближе и останавливаясь в нескольких шагах от него. — Слишком много мыслей.

Он повернулся к ней, и она увидела, что он улыбается — мягко, по-мальчишески, но в уголках глаз всё так же пряталась сталь. Он отложил кисть и повернул к ней мольберт, показывая то, над чем работал.

— Это эскиз, — сказал он, указывая на холст. — «Спящая Венера». Я пытаюсь понять, как именно Джорджоне писал эту картину. Техника, светотень, пигменты. Чтобы сделать идеальную копию, я должен влезть в его голову. Почувствовать, что он чувствовал, когда смешивал краски.

Женя подошла ещё ближе. На холсте была изображена обнажённая женщина, лежащая на бархатном ложе. Её тело было написано мягко, почти воздушно, и в каждом мазке чувствовалась любовь художника к своему творению. Она никогда не была искусствоведом, но даже ей было ясно, что эта работа — не просто копия. Это было переосмысление. Прочтение шедевра через призму души самого Марка.

— Это невероятно, — выдохнула она. — Если ты так пишешь, то я не удивлена, что тебя никто не может поймать.

— Не говори мне комплиментов, — усмехнулся он, но в его глазах мелькнула тень удовольствия. — Это слишком дорого обойдётся тебе.

Она фыркнула и подошла к столу, где лежали его наброски плана. Карта Венеции с отмеченными точками, схемы охранных систем, фотографии дворца, где хранилась картина, и список сотрудников охраны с именами и графиками работы. Всё было проработано до мельчайших деталей. Она взяла одну из схем и провела пальцем по линии предполагаемого пути отступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.